

вышла замуж. Хотя практически и не была с ним — тут же уехала в Ленинград, а вскоре решила, что не настолько люблю, чтобы отнять что-то у театра и отдать ему...

— Как же получилось, что о женатых мужчинах вы никогда не думали, а увели-таки Виторгана из прежней семьи?

Алла: Я никогда ничего не требовала и либо ждала, либо не ждала. Не помню, в тот момент ждала или уже решила, что не надо ждать.

— Сомневались, что из этого что-нибудь получится?

Алла: А как же! Помню, у меня был отпуск, и я скрылась — уехала куда-то, решив, что надо прекратить двойное существование.

— И почти сразу после того, как Виторгана позвонил к вам в дверь, вы перебрались в Москву. Много было «доброжелателей»?

Алла: В это время в Ленинграде мы были очень на виду, в нашу жизнь многие влезали, и была масса предложений. Легче уехать в другой город. Хотя друзья и говорили нам: что вы делаете, ненормальные, что бросаете, но мы были так молоды, что могли поехать куда угодно.

Эммануил: Хотя на периферию не хотелось — там уже поработали.

Алла: Нам хотелось перевернуть страницу и начать жизнь заново, спрятав за той страницей все то, что мы сделали нехорошего. Но когда я сейчас думаю о том, как можно было в один год поменять мужчину, город, театр, дом и практически в этом же году зачать ребенка, то просто не верю. Нужно было иметь большой запас энергии.

— Наверное, оттого, что давно все есть!

Алла: Ошибаетесь. У меня, кстати, нет шубы. Есть, правда, дубленка, но шубы нет. Я не могу на это потратить последние деньги, потому что должна знать, что у мужа и у сына есть все, потому что должна быть уверена, что завтра заработаю столько же, сколько сегодня, или муж сумеет это сделать. Я не хочу ставить на карту все ради шубы. Не хочу! Самое важное — это человеческие отношения, а можно сказать — счастье в работе.

— Все-таки больше в работе, чем в семье!

Алла: Когда в работе плохо, в семье значительно сложнее. А если еще у него плохо и у сына... Мне очень больно, когда близкому человеку плохо.

— У вас ведь был период, когда в семье было всем больно — Эммануил Гедионович лежал в онкологии... Что вам помогало тогда держаться, не раскисать?

Алла: Когда человек тонет, его нужно схватить за волосы, чтобы он и тебя не утопил, и чтобы ты его вытащила. Я знала, что схватила и отпустить нельзя. Конечно, заглядывать за край своей жизни или жизни близкого человека тяжело. Но все проходит, и, может быть, эти страшные испытания что-то корректируют в твоей последующей жизни...

Эммануил: Вы запишите, что каждые десять минут он подходил к ней и целовал ее в темечко... Аллочка — удивительнейшее существо, уникальнейший человек. Она философ, умница, мудрая.

КАРТОШКА И ШКОЛА!

ОНА ПОЗВОЛИЛА СЕБЕ ЗАБЕРЕМЕНЕТЬ

— А какой запас энергии нужно было иметь, чтобы потом родить ребенка, брать его с собой в театр и кормить там, за кулисами, в перерывах между репетициями? Откуда силы-то брались?

Алла: Надо верить в себя и иметь любовь. У нас был такой период — молодость, любовь... И той энергии хватило очень надолго.

— Вы что, не могли спокойно отсидеть с ребенком положенные год-полтора?

Алла: Как я могла сидеть с ребенком, когда сыграла только одну роль в чужом, новом театре, в сложных отношениях? Я чувствовала неловкость перед театром, перед дирекцией, перед людьми, что позволила себе забеременеть. Ну а как? Директор театра говорил мне: это вы специально решили рождать, чтобы утвердить свое положение!

— Как это с помощью беременности можно утвердить свое положение в театре?

Алла: Может быть, кто-то вставал в очередь на квартиру. А мы ждали ее восемь лет. Просто была одержимость работой и жизнью.

— Ваш сын Максим действительно никогда не слышал, чтобы вы повышали друг на друга голос? Я понимаю: можно один раз сдержаться, второй, третий, но на четвертый-то все равно сорвешься.

Алла: Он знает: мы можем повысить голос только когда говорим о репетиции, о роли. А в жизни — да черт с ней, с этой грязной картошкой, я почищу ее сама, раз ему сегодня не хочется.

— Ну хоть иногда-то он это делает? **Эммануил:** Я! С удовольствием! А чтобы Аллочка не чистила грязную картошку, я ее вымою. И сам почищу. У нас нет этих проблем.

Алла: По-моему, у Лопе де Вега есть фраза: чем больше требовать в любви, тем меньше получать, сестрица. По крайней мере, в этом смысле мы ничего друг от друга не требуем — шуб, бриллиантов, денег, кофе в постель, мытой посуды, гуляния с ребенком, с собакой...

— Не понимаю!

Алла: К бриллиантам я как советская девушка очень долго относилась с недоверием, мне казалось, это неприлично. И до сих пор — если хочу шубу, то это длится полторы минуты.

— Ну как можно не любить такого мужа!

Эммануил: Я не для того это говорил. Но она в самом деле удивительная партнерша, и у нас действительно нет никаких проблем в семье, поэтому меня поражает, когда кто-то из знакомых бросает грязную рубашку жене — мол, постирай. Я сам могу запросто постирать, и не только свое, но и Алкино. Наверное, у меня это уже в крови.

— Ваши родители так же трепетно друг к другу относились?

Эммануил: Мой отец с утра до ночи вкалывал, мама занималась нами — мной и братом. На ней были три мужика, готовка, стирка. Папа с мамой всегда хорошо относились друг к другу, они прожили вместе почти 60 лет. Но он не знал, что такое семья, потому что был начальником и очень много работал. Так что не было такого, чтобы он взял и что-то убрал, хотя по выходным уборки они делали вместе. А вот когда он ушел на пенсию в 70 лет, тогда-то и начал понимать, что такое семья, жена. Тут еще у них начались всякие болезни, и они так друг за другом ухаживали! Когда мама уходила из жизни, отец вообще никого не подпустил к ней, и как мы ни орал: найми женщину — мама уже не могла подниматься, он никого не слушал, и сам мыл ее, вытирал, кормил... Сейчас ему 89 лет.

КАЖДЫЕ СЕМЬ ЛЕТ МУЖЧИНА ДОЛЖЕН ИЗМЕНЯТЬ

— Эммануил Гедионович, а правда ли, что, когда изменяет женщина, в этом виноват мужчина, и если у нее плохой характер, виноват он же!

Эммануил: Аллочка не любит, когда я это говорю. Но я уже могу такое сказать — вы знаете, сколько я лет прожил...

Алла: Ну что здесь такого? Есть давно открытые законы. Например, мужчина запрограммирован каждые семь лет изменять. Пусть он живет хоть с самой Венерой Милосской — у него такая потребность.

— Как же вы переживаете эту потребность? Исходя из количества прожитых лет, она должна была проявиться минимум четыре раза...

Алла: Наверное, как-то переживали. Хо-хо-ха-ха! Клиниклино вышибают?!

Эммануил: Я совершенно убежден, что не бывает дурных женщин. Их кромсают эта жизнь, во главе которой стоят мужики.

— А если женщина сама покромсала жизнь мужчине!

Эммануил: Не может быть! Значит, мужчина до этого ей жизнь испортил.

— И стервами женщин тоже делают мужчины!

Эммануил и Алла (хором): Да, конечно!

— Ну хорошо, вот вы такой замечательный, Джентльмен с большой буквы, а позволяете супруге самой водить машину.

Эммануил: Вы так говорите, будто я джентльмен, а жена машину все время толкает. Я совершенно точно знаю, что у Аллочка значительно больше забот, чем у меня, с машиной ей легче, она успевает больше. Я же только в критические моменты могу пойти на рынок что-нибудь купить, если, не дай бог, Аллочка больна. А так часто езжу с ней на рынок. И мне не кажется это стыдным. Я только в очередях не могу стоять: во-первых, узнают, во-вторых, сразу возникает ощущение, что у меня воруют мое время.

— А как случилось, что вы вдруг на свой день рождения стали дарить Алле Давыдовне подарки!

Эммануил: Мне никогда не хотелось быть в толпе — все дарили на 7 ноября, на 8 марта, а мне хотелось сделать неожиданный подарок, хотя бы какую-нибудь муру. С гастролей писал письма со всякими приложениемами — мог из столовой взять горчицу и положить ее в конверт.

Алла: Первый раз я получила от него такое якобы письмо — толстый блокнот, весь исписанный всякими событиями, ощущениями, наблюдениями, с фотомонтажом из разных вырезок, рисунков, меню, салфеток... А если я уезжала куда-то без него, а потом возвращалась, то постоянно наткалась на сюрпризы. Например, открывала шкаф, а там лежала записка и какая-то «тюляндия», хреновинка, глупость. Стелила постель ребенку — в кроватке обнаруживалась записка, себе стелила постель — там опять под подушкой оказывалась записка. Он и родителям очень любил делать сюрпризы, пока я не запретила. Они уже стали старенькими, и когда он неожиданно прилетал к ним, они пугались и плакали.

Эммануил: Сейчас я уже разленился, а потом, так хочется, чтобы подарок был в жилу! Поэтому всегда ужасно мучаюсь, не знаю, что подарить. А вот мы как-то улетали из Шереметьево, и Аллочка сказала, что видела там духи «Коко Шанель», видите, даже запомнил. Тут я лечу без нее, а в аэропорту есть «Коко» — какой кайф! И сразу такое удовольствие человеку, и никаких подарков не нужно — взял и подарил. Но, по-моему, все это естественно, как бы кто-то ни хотел сделать из нас идеальную пару. Мне кажется, что мы-то как раз нормальные, а все остальные — ненормальные...

Беседовала
Татьяна НЕМОЙКИНА.

БЛИЦ ДЛЯ ДВОИХ

— Дети — обязательное условие семьи!

Алла: Я ушла от первого мужа отчасти потому, что знала, что еще не хочу рождать. Но все равно, если у супругов нет этой потребности, они могут замечательно жить.

Эммануил: Совсем необязательное; хуже без детей не будет, но каждый это ощущает по-разному.

— Без ревности нет любви!

Алла: Отсутствие страсти (а ревность — это страсть) есть отсутствие любви. Другое дело, что она может быть глупой, пошлой, беспочвенной, а может быть — высокой!

Эммануил: Однажды после концерта две молодые женщины (с ними был мужчина) попросили у меня автограф, а когда отошли, мужчина — видимо, муж одной из них — со всего размаху дал ей в лицо... Ревность зиждется на отрицательных эмоциях, поэтому не может быть полезной.

— Любимому человеку можно простить все!

Алла: Не уверена. Мне кажется, нелюбимому можно простить больше.

Эммануил: Да, а если не можешь простить — надо расставаться.

Алла: Это большое несчастье для человека, если он не может простить другого.

— Что такое семейное счастье?

Алла: Это когда каждый счастлив в отдельности и все счастливы вместе.

Эммануил: Наверное, это формула: «Да! — Да!» или «Да! — Да?»